

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 395–402

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 395–402

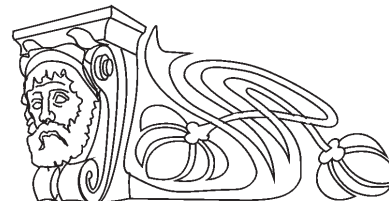
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-395-402>

Научная статья

УДК 316.2

Место и роль научного знания в современном обществе риска и травмы: анализ концепций современных российских социологов

М. С. Ивченкова

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Россия, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Ивченкова Мария Сергеевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, m.ivchenkova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9297-814X>

Аннотация. В статье автор обращается к работам О. Н. Яницкого, Ж. Т. Тощенко и С. А. Кравченко, в фокусе которых находится концептуализация социальных процессов в мире в целом и современной России в частности. Цель статьи – выявление общих и специфичных взглядов современных российских социологов на определение роли и места научного знания в развитии российского социума. Значимость научного знания в политическом процессе (О. Н. Яницкий), в процессе разработки и реализации национальной стратегии развития страны (Ж. Т. Тощенко) и, в самом общем смысле, на уровне социальной динамики (С. А. Кравченко) не вызывает полемики. Все три автора сходятся во мнении, что прогрессивное развитие общества во многом определяется развитостью института науки. Ж. Т. Тощенко обращает наше внимание на важную роль научного знания в травматическом социуме в самом широком смысле. О. Н. Яницкий демонстрирует конкретные механизмы производства социально-научного знания и включения его в политические процессы. С. А. Кравченко фокусируется на осмыслении новых качеств, новых путей становления ученого и эксперта в обществе риска и травмы.

Ключевые слова: научное знание, экспертное знание, общество риска, общество травмы, современные социологические теории

Для цитирования: Ивченкова М. С. Место и роль научного знания в современном обществе риска и травмы: анализ концепций современных российских социологов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 395–402. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-395-402>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The place and role of scientific knowledge in risk and trauma society: The analysis of modern Russian sociologists' concepts

M. S. Ivchenkova

Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS), 24/35, korpus 5 Krzhizhanovskogo St., Moscow 117218, Russia

Maria S. Ivchenkova, m.ivchenkova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9297-814X>

Abstract. The article refers to the works of O. N. Yanitskiy, Zh. T. Toschenko and S. A. Kravchenko that are focused on modern world social processes, particularly in modern Russia. The purpose of the article is to identify the general and specific views of modern Russian sociologists on the role of scientific knowledge in developing Russian society. The importance of scientific knowledge in the political processes (O. N. Yanitskiy), in the process of developing and implementing the national government strategy (Zh. T. Toshchenko) and, in the most general sense, at the level of social dynamics (S. A. Kravchenko) is out of question. All three authors agree that the progressive development of society is largely determined by the development of the institute of science. Zh. T. Toshchenko highlights the important role of scientific knowledge in trauma society. O. N. Yanitskiy shows specific mechanisms for the production of social and scientific knowledge and its inclusion in political processes. S. A. Kravchenko focuses on comprehending new qualities and new ways of becoming a scientist and an expert in risk and trauma society.

Keywords: scientific knowledge, expert knowledge, risk society, trauma society, modern sociological theories

For citation: Ivchenkova M. S. The place and role of scientific knowledge in risk and trauma society: The analysis of modern Russian sociologists' concepts. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 395–402 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-395-402>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Размышляя о современном мире, вспоминаются понятия, плотно вошедшие не только в научный оборот, но и в повседневный лексикон, – глобализация, модернизация, информатизация, диджитализация. В научном сообществе общественно-гуманитарных дисциплин эти понятия активно обсуждаются, изучаются, осмысливаются последние полсотни лет.

Стремительный развитие производства и технологический прогресс, начавшаяся гонка вооружений мировых держав СССР и США во второй половине XX в. заложили тренд востребованности научного знания на многие десятилетия вперед. В 1960-е гг. наука становится нематериальным активом государства, происходит ее популяризация, а профессия ученого уже является массовой. Ввиду высокой социальной значимости наука выступает предметом изучения социологов, и начинает активно развиваться такое направление, как социология научного знания. Изучаются природа научного знания, способы его производства, его институциональное взаимодействие. Научное знание становится драйвером прогресса. С развитием технологий, проникших во все без исключения сферы социума, начала формироваться новая реальность – реальность постиндустриальная, где ключевым элементом стало не просто научное знание, а информация в самом широком понимании.

Серьезные трансформационные процессы и возникновение совершенно нового типа общества – общества информационного – сформировали запрос на новые формы научного знания, более адаптивного для широкого практического применения. В 1970-е гг. под влиянием работ Т. Куна наука начала трактоваться и восприниматься как процесс социального производства нового знания, теоретические концепции и эмпирические исследования научной деятельности стали акцентироваться на социальную составляющую научного знания¹.

Высокая скорость технологического развития дала почву для рефлексии социально-гуманитарных ученых касательно последствий прогресса для человечества. Появились концепции информационного и сетевого общества (Ян ван Дейк, М. Кастельс), общества риска (У. Бек, Н. Луман), текучего общества (З. Бауман), цифрового общества (В. Моско). Теоретическое осмысление различных социальных процессов современного социума заинтересовало и российских социологов. Ж. Т. Тощенко предложил теорию общества травмы с диагностикой социальных реалий России. С. А. Кравченко посвящает свои научные труды вопросам социальной динамики в обществе рисков, вводя в научный оборот понятие метаморфотизации как особого типа социального развития. О. Н. Яницкий как основатель российской экосоциологии обращается к концепции общества риска для понимания

и интерпретации происходящих в российском социуме трансформаций. Особое место в этих теориях занимает осмысление места и роли науки, социальной и гуманистической составляющей знания в социальном процессе, а также связи науки и общества.

В данной работе мы обратимся к работам О. Н. Яницкого, Ж. Т. Тощенко и С. А. Кравченко, в фокусе которых находится концептуализация социальных процессов в мире в целом и современной России в частности. Целью ставим выявление общих и специфичных взглядов этих социологов на определение роли и места научного знания в развитии российского социума.

Осмысляя концепции зарубежных ученых, посвященных исследованиям социальных рисков, О. Н. Яницкий выдвинул свою собственную идею общества риска применительно к постсоветской России². Он определил набор измерений и, основываясь на логике концепции У. Бека, представил модель российского рискогенного общества. Яницкий придерживался представлений У. Бека о том, что современный социум постоянно производит новые риски, причем производство рисков носит «эффект бумеранга», когда и тот, кто производит риск (высшие слои), и те, кто оказывается в зоне риска (нижние слои), лишаются полной безопасности, предсказуемости и линейности последствий социальных процессов³.

Яницкий принимает за норму факт производства рисков, но говорит о двойственности этого общественного производства, вследствие которого могут образоваться «два качественно различных типа переходного общества: созидательный и разрушительный»⁴. Первый тип при производстве активов и рисков использует человеческий капитал, возможности институтов гражданского общества и «креативный потенциал и ресурсы», в результате чего в обществе созидательного (креативного) типа наблюдается позитивная динамика развития. Разрушительный тип общества, наоборот, обесценивает творческий потенциал имеющихся ресурсов, что ведет к демодернизации социума, кроме того, такие «общества становятся периферией глобального социетального пространства или могут вообще исчезнуть с исторической арены»⁵.

Поэтапно анализируя стратегический вектор политики, способы общественного производства рисков, социальный порядок, социальную структуру, социальную среду и социальную динамику, Яницкий делает вывод о том, что постсоветская Россия начала 2000-х гг. тяготеет к практикам разрушительного типа рискогенного общества. Он акцентирует внимание на деструктивных практиках, складывающихся в обществе, но в то же время дает рекомендации по нивелированию рисков и обращению к стратегии креативного развития.

Одним из «слабых мест» российского социума является отсутствие долгосрочной национальной стратегии, «согласованного проекта будущего». Главной целью, определяющей политику государства в целом, является выживание и перераспределение ресурсов, что автоматически снимает ответственность за участие в политическом процессе населения и, следовательно, развитие институтов сдержек и противовесов власти. Таким образом, политика все чаще становится не полем для поиска консенсуса между властью и обществом, а местом агрессивной борьбы за ресурсы.

Проблему рискогенности российского общества Яницкий видит в тренде на «всеобщую тенизацию» – преобладание неформальных договорных отношений над институционализированными практиками. Теневые и коррупционные отношения из экономики проникают во все сферы, блокируя развитие и институционализацию социального порядка, а также модернизацию страны. По прошествии 20 лет мы можем видеть негативный эффект описанного Яницким тренда с той лишь разницей, что некоторые практики все же получили свое правовое подкрепление и сформировались в достаточно мощный институт контрольно-надзорных органов, активно функционирующий в современной России. Кроме того, было бы некорректно говорить о полной демодернизации страны. С точки зрения развития новых цифровых технологий Россия занимает лидирующие позиции в мире. В стране не только растет индивидуальное пользование Интернетом и внедряется различный софт на уровне бизнеса и государственных структур, но и формируется уникальная цифровая среда благодаря национальным цифровым платформам (Яндекс и СБЕР). Цифровизация российского социума – это тоже рискогенный процесс, вектор которого может быть направлен на креативное развитие страны, а может быть смещен в усиление контроля над гражданами и драматическое сокращение их прав и свобод.

Еще одной причиной рискогенности российского общества О. Н. Яницкий называет неспособность правящей элиты к критическому и концептуальному мышлению. Это обусловлено неразвитостью публичной политики и социально-политических институтов, таких как институционализированный лоббизм, аналитические центры («фабрики мысли»), научные сообщества, которые могут выстраивать эффективный диалог между социумом и властью для минимизации социальных рисков. О подобном диалоге научного сообщества и власти Яницкий написал в одной из последних своих работ, опубликованной уже после его кончины, «Глобализация: новые вызовы для науки»⁶. В этой статье Олег Николаевич размышляет о социальных последствиях эпидемии COVID-19 и необходимости

обращения российской власти к научному социологическому сообществу с целью получения профессионального социального знания для выработки политических решений.

В своей концепции общества риска Яницкий очень четко разделяет фундаментальную науку и «социально-научное знание». Первая для него – это социальная рискология – отрасль социологической науки, занимающейся метатеоретизированием существующих концепций общества риска и эмпирическими исследованиями рисков (адаптации к рискам, их институционализация и пр.). Значение развития рискологии как науки и ее места в современном социуме вполне традиционно – это приращение научного знания. Следует отметить, что Яницкий обращает наше внимание на важность междисциплинарности в исследовании рисков и критикует российскую науку за то, что она до сих пор развивается в монодисциплинарном ключе⁷.

Интересным для нашего исследования становится «социально-научное знание», выделяемое Яницким в отдельный тип: это уже не только научное знание в традиционном академическом виде, но знание, которое включено в политическое поле и в процесс принятия политических решений. Он также называет его «адвокативным знанием»⁸. Роль этого типа знания (в идеальной ситуации) Яницкий понимает в «двуединности его целей: достижение взаимопонимания (согласия) между конфликтующими сторонами и максимальной пользы или смягчения неизбежного вреда (риска)»⁹.

Основными характеристиками социально-научного или адвокативного знания являются, во-первых, его «социальная обусловленность». В зависимости от развитости экономики, политических и социальных институтов в политическом поле возникает запрос на аналитическую информацию, которая производится уже не только учеными, но и другими акторами процесса. Второй важный аспект адвокативного знания – его локальность. Обобщенное социально-научное знание должно быть адаптировано к условиям, событиям и культуре каждого конкретного региона. Такое знание тяготеет к субъективности, но именно оно содержит в себе местный контекст и потенциал влияния на политический процесс. Третьей ключевой особенностью адвокативного знания является способ его производства. Оно не спущено «сверху вниз» в виде директив и догм, а создается в процессе взаимодействия множества акторов – ученых, политиков, экспертов (национальных и локальных), активных граждан, журналистов и др.

Как социально-научное знание создается, О. Н. Яницкий моделирует на примере экологической политики в России¹⁰. Политика для него – это не просто линейный процесс принятия политических решений, а совокупность

взаимодействий политических акторов, которых он с некоторыми оговорками ограничивает до трех – исполнительная власть, некоммерческие организации и научное сообщество¹¹. Модель взаимодействия вышеназванных акторов, называемая Яницким «треугольником», предлагается как теоретическая конструкция для анализа эко-политического процесса в том или ином регионе страны. Модель эта двухфазная – «рутинная» и «мобилизационная».

В рутинной фазе власть, НКО и научное сообщество взаимодействуют между собой и с внешним политическим полем линейно, регламентированно, в соответствии с нормативно-правовыми процедурами. В рутинной фазе акторы пассивны, треугольник может «потерять» одну из сторон, если, например, научное сообщество находится под контролем власти и лишь артикулирует ее интересы, либо треугольник «растворяется», когда каждый актор занимается обслуживанием своих интересов и поддержанием жизнедеятельности собственной системы.

Мобилизационная фаза взаимодействия власти, НКО и научного сообщества подразумевает конфликтные ситуации (новый законопроект, протестные настроения среди населения) и периоды наступления широкомасштабных рисков. Треугольник в таком случае ярко вырисовывается и имеет разные углы в зависимости от расстановки сил. Здесь каждый актор ведет «борьбу за доступ к источникам ресурсов, за завоевание и обустройство своей ниши в меняющейся институциональной системе и в итоге за легитимацию себя как участника политического процесса»¹².

Идеальное состояние треугольника – это симметрия: партнерские отношения, отношения кооперации всех трех акторов и среды, в которой они взаимодействуют. Такая модель достижима только при наличии общих целей и национальной стратегии развития страны.

Какую бы модель ни принимало взаимодействие власти, НКО и научного сообщества, в этом взаимодействии производится социально-научное знание. А вот его потенциал или, как говорит Яницкий, «политическая чувствительность (реактивность)» зависит от уровня конфликтности взаимодействия всех участников, от развитости институтов. Чем выше потенциал социально-научного знания, тем выше вероятность развития общества риска (и в первую очередь развитие России) в созидательном креативном ключе.

Современный мир в понимании О. Н. Яницкого – это общество риска. Производство рисков постоянно и является неотъемлемой частью развития человечества, но производство это имеет двойственный характер. От того, какая стратегия на уровне государства будет определена, таким и будет вектор развития общества риска – созидательный (креативный) или разрушительный. Этот вектор развития, в свою очередь, определя-

ет социальную динамику, социальную структуру, социальную среду и повседневные практики, социальный порядок и способы производства. В процессах общественного взаимодействия, по Яницкому, производится социально-научное знание. Этот тип знания он отделяет от фундаментальной науки, наделяя иными характеристиками и задачами. Социально-научное знание включено в политический процесс, его язык адаптируется под внеакадемическую среду, а его главной целью становится коммуникация между властью и обществом. Именно это социально-научное знание играет значительную роль в выборе пути развития общества риска.

Жан Терентьевич Тощенко пришел к выводу, что имеющиеся концепции о развитии обществ и проходящих в них трансформаций в самом общем смысле лежат в плоскости категории прогресса. Традиционно развитие человечества интерпретировалось в двух модальностях: либо к осмыслению процессов в конкретном социуме было применимо понятие революции, либо общество развивалось эволюционно¹³. Мир в XX в. стал меняться очень быстро, масштабно и нелинейно. Социальные изменения стали многообразными и неоднозначными ни в интерпретации происходящего, ни в прогнозировании будущего. Трансформационные процессы хотя и имеют схожие черты в разных странах и, конечно, их допустимо разделить на революционные и эволюционные, но остаются государства, процессы развития которых не так однозначны. Тощенко выделяет более 50 стран, «которые не могут описываться в показателях успешности развития и находящихся длительное время в нестабильном, неустойчивом положении»¹⁴. К государствам, находящимся «в длительном деформированном состоянии», Тощенко применяет термин «общества травмы».

Общество травмы является пограничным состоянием между революционной и эволюционной модальностью, поэтому в ситуацию социальной травмы могут попадать и страны с успешной траекторией развития. Тощенко называет 6 типов обществ, базируясь на ключевых причинах возникновения социальной травмы.

К первому типу относятся страны, где декларируемые политические инициативы и реальная практика не согласованы, когда отсутствует четкая стратегия развития государства (например, Центрально-Африканская Республика, Чад, Зимбабве, Молдова). Зачастую это происходит после смены политической формации, когда новое правительство, несмотря на революционный характер изменений, не реализует провозглашенные цели и не проводит реформы, заложенные в первоначальных идеях. Второй тип общества травмы возникает в результате силового (обычно военного) изменения политического режима, осуществляемого под давлением внеш-

них сил (например, Афганистан, Ирак, Ливия, Йемен, Сирия). В этом случае травма наступает не столько от рассогласованности идеологии и практики, сколько из-за насильственного характера внедрения новых практик, далеких от исторических, культурных и других особенностей страны. Третий вид общества травмы – это государства после цветных революций (например, Украина, Грузия, Киргизия). Здесь наблюдается усиление уже имеющегося «эффекта травмы», обусловленного разнонаправленными целями групп интересов: для внешних инициаторов это геополитические цели, а для внутренних элит – это вопрос их политического влияния внутри государства. Четвертый тип общества травмы обусловлен этническими и конфессиональными противоречиями внутри социума (например, Босния и Герцеговина, Косово, Судан, Сомали, Эфиопия, Мьянма). Пятый тип возникает при неэффективном управлении государством, стихийном и планомерном развитии различных секторов экономики, деградации социальной сферы (например, Филиппины). Шестой тип общества травмы, когда государства «в результате ошибочного курса по изменению общественного строя уже более четверти века находятся в ситуации стагнации или рецессии, замерли или отступили от ранее достигнутых рубежей»¹⁵ (например, Россия, страны Восточной Европы).

Обобщая, можно привести определение Ж. Т. Тощенко: «...общество травмы – это результат длительной неопределенной, турбулентной трансформации, характеризующейся деформацией экономических, социальных, политических и духовно-культурных отношений»¹⁶.

Ответственность за возникновение травмы и погружение общества в длительную неопределенность и стагнацию несут политические и экономические элиты, у которых нет единой стратегии развития страны, их действия рассогласованы, противоречивы и ведут к непрогнозируемым эффектам. Более того, при отсутствии четкой политической программы зачастую в обществах травмы происходит откат от результатов, которыми оно обладало до начала изменений.

О необходимости иметь национальную стратегию для прогрессивного развития общества говорит и Яницкий, но он не перекладывает всю ответственность только на элиты, а включает в процесс трансформации общественные объединения и научное сообщество.

Тощенко в своей концепции общества травмы обращается к осмыслению места и роли науки в социуме пограничной модальности. Ценность науки для него неумолима. «Забвение науки – это один из показателей травмированного общества», – пишет он¹⁷. Участие науки в процессах общественных трансформаций является одним из главных условий выхода из

состояния неопределенности и ориентации на эволюционный путь развития. Отдельно Тощенко говорит об образовании как ресурсе развития человеческого капитала. Повышение значимости и влияния образования позитивно отражается на выходе общества из состояния турбулентности и стагнации.

Ж. Т. Тощенко вводит в научный оборот понятие общества травмы как пограничного состояния социума между эволюционным и революционным развитием, когда общество долгое время находится в стагнирующем неопределенном состоянии. Россия сегодняшнего дня – это общество травмы, общество с неопределенной национальной стратегией развития, с рассогласованными и противоречивыми действиями политических и экономических элит. Общество травмы не перманентное состояние, и выход из него Тощенко видит в том числе в развитии научного потенциала страны. В концепции общества травмы нет описания конкретных механизмов участия научного знания в общественных трансформационных процессах, но уделяется большое внимание значимости разработки единой государственной стратегии развития страны и обращения к фундаментальной науке в процессах государственного управления.

К осмыслению и концептуализации реалий современного социума обращается еще один наш современник – профессор Сергей Александрович Кравченко. Он отмечает, что ускорение социального времени оказывает значительное влияние на социум и создает эффект ускоряющегося развития. В этом ускоряющемся развитии современного мира приходят в движение и научные системы¹⁸. «Одним из критериев валидности знания становится скорость диагностики и теоретизирования происходящих изменений в обществе, технике, природе»¹⁹. Таким образом, традиционные формы научного инструментария становятся малоэффективными и происходит «новая рефлексия доверия относительно существующего знания»²⁰.

Социальная скорость, распространение науки как профессии, объемы произведенного научного знания делают ученого нового времени амбивалентным. С одной стороны, развиваясь в угоду сложившимся ценностям и культурным нормам, он производит «желательное», «предсказуемое» и «функциональное» для общества знание. С другой же стороны, современный ученый развивается как критически мыслящий и производит «нелинейные знания», которые могут образовывать новые риски и одновременно новые возможности, инновации в своем научном поле. С увеличением скорости социального времени и развитием технологий научное знание множится, но не хаотично. Объемы вновь произведенного научного знания не разрушают систему, а лишь трансформируют, в результате

чего возникает «динамическая научная инновационность и организованность, в основе которой лежит сетевая упорядоченность, открытость для сотворчества представителей естественных, социальных и гуманитарных наук»²¹.

Запрос на междисциплинарность научного знания Кравченко объясняет не только ускорением развития, но и усложнением социальных процессов и «социо-техно-природных систем», которые могут проявиться одновременно и негативно и позитивно для деятельности человека. Кравченко не отрицает негативного побочного эффекта от массового производства знания, но обращает наше внимание на значимость социальной ориентированности ученых с целью минимизации производства новых рисков от «прагматизации знания и меркантилизации социальных практик»²².

На наш взгляд, такую роль на себя может взять именно экспертное знание – как пограничная форма между традиционным научным знанием и сугубо прикладным, получаемым из опыта отдаленно взятых людей, зачастую далеких от научного мира.

Рассуждая об особенностях научного знания в эпоху высокоскоростного общества, Кравченко выделяет следующие характеристики, которым должно отвечать научное знание, чтобы сохранить не только свою валидность, но и практическую эффективность. В первую очередь, он отмечает одновременное существование различных научных парадигм, каждая из которых находится на разных уровнях развития. Залог эффективности научного знания лежит в мультипарадигмальном подходе и в открытости систем научного познания, их подвижности и быстрой трансформации. Эти факторы обуславливают следующее качество научного знания – сокращение «значимости авторитетов, задающих строгие, предсказуемые типы мышления, модели творчества»²³, уход от излишнего традиционализма в науке. Третьей характеристикой научного знания, востребованного современным социумом, называется его «гуманистическая составляющая» и ориентация не столько на производство знания самого по себе, сколько на производство знания, потенциально применимого на практике для оценки рисков. Это особо интересный тезис в нашем поиске определений границ экспертного знания. Ведь именно для экспертного знания ключевой функцией является прогнозирование и анализ рисков различного генезиса. Четвертой особенностью современного научного знания Кравченко называет отсутствие универсальности и возрастания значимости культурного и временного пространства, в котором то или иное знание было применено. Что подтверждает наши рассуждения о важности привлечения именно локального эксперта в процессы управления на региональном уровне, ведь эксперт, находящийся-

ся в конкретном культурном пространстве и понимающий происходящие социальные процессы изнутри, способен произвести более адекватный анализ ситуации и рисков²⁴.

Современное научное знание, по мнению Кравченко, уходит от строгой институциональности не только в части выбора при производстве единственного авторитета, парадигмы или школы, но и в части организации научной дискуссии и профессии. Современные технологии дают ученому свободу и выход за пределы традиционного института науки, он может сам формировать свою научную репутацию и свои научные контакты, дискуссии – т. е. свою научную сеть в самом широком смысле слова. Для современного эксперта технологии также открывают большие возможности для формирования своей профессиональной репутации и становятся рабочим инструментом. Более того, на наш взгляд, современный эксперт может полностью отказаться от традиционной институционализации своей карьеры, грамотно применяя механизмы создания профессиональной репутации в социальных сетях и Интернете, за счет чего даже может приобрести более значимый социальный вес. Ученый же менее свободен в полном отказе от традиционных форм подтверждения своего профессионализма.

Еще одной значимой характеристикой современного научного знания, по Кравченко, является интеграция естественнонаучных, социальных и гуманитарных дисциплин. Такая комплексная междисциплинарность, по мнению Сергея Александровича, «позволила бы учесть сложности социокультурной динамики, всевозможные парадоксы, дисперсии, турбулентности социума, осуществляя при этом поиски новых форм гуманизма»²⁵. Не вызывает сомнения, что междисциплинарность особо востребована в процессах управления на этапах привлечения экспертного знания. Самым ярким примером аккумуляции в одном месте экспертов из самых различных отраслей является американская некоммерческая организация РЭНД.

Описывая современного ученого, выделяя ключевые характеристики производства научного знания в условиях высокоскоростного текущего рискогенного социума постмодерна, Кравченко не идеализирует роль и место ученого, он постоянно обращает наше внимание на бивалентность и парадоксальность каждой выделенной характеристики производства научного знания. Например, самоорганизация и саморефлексия ученого может породить хаос, а может, наоборот, сформировать нелинейные концепты, способные лечь в основу инноваций. Именно эта двоякость современного мира и всех происходящих в нем процессов делает актуальным запрос на экспертизу, на привлечение экспертов на всех уровнях управленческих процессов. Пользуясь концеп-

цией Сергея Александровича при обращении к экспертному знанию на практике с целью оценки и минимизации рисков, мы также сталкиваемся с бивалентностью и производством новых рисков. Привлекая эксперта к управленческому процессу, мы, с одной стороны, пытаемся получить новое, актуальное, максимально эффективное экспертное знание, но с другой – несем риски в самом получении знания от эксперта (например, в части его качества и объективности).

Важно, что Кравченко не просто говорит о ценности научного и экспертного знания в современном турбулентном мире, но рассуждает о качествах, которыми должен обладать производитель знания. Он обращает наше внимание на то, что необходимо готовить молодежь жить в высокоскоростном обществе, а ученых – к формированию «нелинейного мышления», способного адаптироваться к усложняющимся социальным и культурным реалиям, к преодолению ранее существовавших границ между естественнонаучным, социальным и гуманитарным знанием²⁶.

С. А. Кравченко, размышляя о социальных трансформациях, приходит к интерпретации современной жизни через понятие сложных метаморфоз. Нелинейная трансформация, функциональная амбивалентность – ключевые характеристики сегодняшнего общества, которые могут оказывать как негативные, так и позитивные, интеграционные эффекты. Особую роль здесь играет эффект «ускоряющегося развития», при котором традиционные общественные институты попадают в зону турбулентности. Научное знание в концепции Кравченко – это неотъемлемая часть социальной жизни. Оно развивается «ускоряющимися темпами и усложняющимся образом», следовательно, сталкивается с вызовами современного социума, такими как доверие к знанию, его эффективность в управленческих процессах, его объективность и независимость. Кравченко тонко показывает многогранность и рискогенность производства знания и в то же время дает рекомендации по направлению развития нового типа ученого, несущего гуманистическую пользу социуму.

В данной работе мы обратились к концепциям современных российских социологов – О. Н. Яницкого, Ж. Т. Тощенко, С. А. Кравченко – и постарались отразить не только их взгляд на стремительные трансформации современного мира, но и на их восприятие места научного знания в этих изменениях.

Значимость научного знания в политическом процессе (О. Н. Яницкий), в процессе разработки и реализации национальной стратегии развития страны (Ж. Т. Тощенко) и, в самом общем смысле, на уровне социальной динамики (С. А. Кравченко) не вызывает полемики. Более того, все три автора сходятся во мнении,

что прогрессивное развитие общества во многом определяется развитостью института науки. Но научное знание в рассматриваемых концепциях имеет различные качества и потенциал. Так, Ж. Т. Тощенко обращает наше внимание на важную роль знания в травматическом социуме в самом широком смысле – развитая фундаментальная наука является залогом прогрессивного развития государств. О. Н. Яницкий демонстрирует конкретные механизмы производства социально-научного знания и включения его в политические процессы для креативного развития общества. С. А. Кравченко фокусируется на осмыслении новых качеств, новых путей становления ученого и эксперта в обществе риска и травмы. Но концепции всех этих ученых играют важную методологическую роль в осмыслении научного и экспертного знания как социологической дефиниции.

Примечания

- 1 См.: Социология в России / под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. С. 291.
- 2 См.: Яницкий О. Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. Т. 7, № 1. С. 3–35; *Его же*. Социология риска. М.: Изд-во LVS, 2003; *Его же*. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 5–15.
- 3 См.: Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- 4 Яницкий О. Н. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции. С. 6.
- 5 Там же.
- 6 См.: Яницкий О. Н. Глобализация: новые вызовы для науки // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 18 / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2020. С. 511–528.
- 7 См.: Яницкий О. Н. Актуальные проблемы динамики русской науки // Общественные науки и современность. 2020. № 4. С. 107–117. <https://doi.org/10.31857/S086904990010753-0>
- 8 См.: Яницкий О. Н. Диалог науки и общества // Общественные науки и современность. 2004. № 6. С. 86–96; *Его же*. К вопросу о производстве социально-научного знания // История и современность. 2007. № 1. С. 3–18.
- 9 Яницкий О. Н. К вопросу о производстве социально-научного знания. С. 6.
- 10 См.: Яницкий О. Н. Экологическая политика как сетевой процесс // Полис. Политические исследования. 2002. № 2. С. 44–57. <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.02.05>; *Его же*. Россия как экосистема // Социс. Социологические исследования. 2005. № 7. С. 84–93; *Его же*. Актеры и ресурсы социально-экологической модернизации // Социс. Социологические исследования. 2007. № 8. С. 139–145.
- 11 См.: Яницкий О. Н. Экологическая политика как сетевой процесс. С. 46.
- 12 Там же.

- ¹³ См.: *Тощенко Ж. Т.* Травма общества : между эволюцией и революцией (приглашение к дискуссии) // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 70–84. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.07> ; *Его же.* Травма как деформация эволюционного и революционного развития общества (опыт социологического теоретизирования) // Социс. Социологические исследования. 2017. № 4. С. 16–26 ; *Его же.* Общество травмы : между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М. : Весь Мир, 2020.
- ¹⁴ *Тощенко Ж. Т.* Общество травмы : между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). С. 23.
- ¹⁵ Там же. С. 36.
- ¹⁶ Там же. С. 38–39.
- ¹⁷ Там же. С. 236.
- ¹⁸ См.: *Кравченко С. А.* Усложняющиеся метаморфозы : социологические поиски ответов на вызовы. М. : АНО «Редакция журнала «Знание-сила», 2019 ; *Кравченко С. А., Коннов В. И.* Проблема доверия к научному знанию : риски и способы их преодоления // Полис. Политические исследования. 2016. № 5. С. 108–121. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.09>
- ¹⁹ *Кравченко С. А.* Указ. соч. С. 38.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 40.
- ²² Там же. С. 49.
- ²³ Там же. С. 73.
- ²⁴ См.: *Ивченкова М. С.* Экспертное знание в управлении регионом // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 264–267. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-264-267>
- ²⁵ *Кравченко С. А.* Указ. соч. С. 76.
- ²⁶ Там же. С. 41.

Поступила в редакцию 01.08.2021, после рецензирования 15.08.2021, принята к публикации 28.08.2021
Received 01.08.2021, revised 15.08.2021, accepted 28.08.2021